

— Ну ни хрена себе, приятель! Страшно убойная штука! — говорит Рон без преамбул, когда я присоединяюсь к Золотому трио за завтраком.

Морщусь на его громкость.

— Напомни мне не повторять этого ещё раз. — Гермиона смотрит пронзительным взглядом на меня. И это не наигранной взгляд, она на самом деле хочет своими глазами пробуравит пару дырок в моей голове. — По крайней мере пару дней. — Ну не могу я удержаться от улыбки в её присутствии.

Трясаясь от гнева, Гермиона в конце концов взрывается.

— Ты! Идиот! Придурок чёртов! Ты напугал меня почти до смерти! Ты хоть чем-то думал?

— Окей, окей. Извини, Гермиона! — Мои слова ни на йоту не обуздывают её ярость. Гарри с Роном даже отшатываются от её ярости. — Гляди, Гермиона. Не было никакой опасности для меня на самом деле. Я просто... Прости, что я напугал тебя. Сейчас я не шучу, что не собираюсь повторять. Помфри не дала мне болеутоляющих прошлым вечером, и мне очень не хочется повторять эту ночь.

Гарри гладит ей спину, и похоже её гнев уменьшается. Всеми силами стараюсь не сфальшивить в выражении своих истинных чувств и выглядеть по-настоящему раскаивающимся.

— А что это было такое? — тихо спрашивает Гарри. — Это... Та твоя штука фактически испарила манекен и продолжила двигаться, как будто его вообще не существовало. Потом врезалась в стену, и комнату затрясло ещё до того, как ты отрубился, а эта фигня угасла.

— Хм, просто попало мне как-то кое-что.

-Уильям, — рыкает Гермиона, но потом глубоко вдыхает, когда Гарри усиливает поглаживания в попытке успокоить её. — Я не смогла найти ничего про это... заклинание в комнате. Если это вообще заклинание. Это звучало больше как... как ритуал! Тёмный ритуал!

— А мне совсем не показалось чем-то тёмным, — говорит Рон с набитым бисквитом ртом. Не знаю как по-другому назвать это не печенье, а пушистые, хрупкие, типа хлеба, штуки. — Я слышал, как он говорил про феникса и божественное пламя, и правосудие, и прочее.

— А ты не упоминал про что-то типа половины силы? — спрашивает Гарри. — Помню — “четыре из восьми” и “два из четырёх” чего-то или другого. Но упаси Мерлин увидеть эту штуку в полную силу, так что предупреди, если вдруг.

— Не каждое заклинание может быть найдено в книгах, Гермиона, — улыбаюсь с намёком на тайну. По крайней мере в книгах этой вселенной. Даже если мир Гарри Поттера — часть настоящего, то главная часть заклинания не появится ещё лет десять. Но Гермионе не стоит знать об этом. — И к слову, авторы книг и иные авторитеты — всего лишь люди и отнюдь не всеведущие божества. Им всем несомненно свойственны незнание, ложь или желание скрыть что-то, ошибки и просто добросовестные заблуждения. Кстати, Гарри...

— А меня ты сможешь научить? — возбуждённо просит Рон.

— Извини. Я не знаю движений палочкой, если даже есть такие. Скорее всего вербальная формула под конец у меня неточная, просто мне понравилось улётное звучание. И Гарри, просто я ещё в начале заготовил всю эту фигню, а потом заставил весь этот свет закрутиться вокруг меня. Слова там чисто для создания внушительного впечатления от представления.

Взгляд Гермионы ещё раз вспыхивает от гнева, и Гарри опять прикосновениями утихомиривает её. Рон в расстройстве сдувается.

— По-честному, выглядело это улётно.

Вопросительно смотрю на него.

— Вы, ребята, только что сказали “улётно”?

— Всего лишь попробовал, — пожимает плечами Рон.

— Это здорово, приятель.

Гермиона фыркает, но наша с Роном пикировка совместно с поглаживаниями Гарри охлаждают её раздражение.

— Действительно, Уильям. Это было по-настоящему страшно.

— Эй. Я стараюсь!

* * *

Как и обещал, я всё ещё стараюсь избегать магического истощения.

В следующие выходные Гарри, Гермиона и я поднимаемся после завтрака на седьмой этаж, где встречаем Луну. Рон отказался, и я ему благодарен, пусть и удивлён, принимая во внимание его обычную прилипчивость. После процедуры знакомства Гарри и Луны мы просто приветствуем друг друга, какое-то время стоим в расслабленной тишине и прощаемся. Это уже выходные, но я всё равно жду этих встреч и радуюсь им.

Я становлюсь жертвой довольно мягкого розыгрыша со стороны близнецов, перекрасивших мою мантию в ярко-красный цвет на целый день. Ценю их любезность с задержкой хохмы до выходных. Они остаются недовольны моим неприятием вызова и простым признанием их наивеличайшими мастерами розыгрыша всех времён. Судя по всему, это их только раззадоривает. Невесёленькая перспектива, и мне остаётся лишь надеяться на быстрое остывание и увлечение кем-то или чем-то иным.

Слегка компенсирую свой долг МакГоннагал, но я только в самом начале пути. Она настаивает, что моя работа по подбору и сортировке стоила целый галлеон, хотя я ожидал меньшего. Пусть у меня целая куча разнообразных моделей волшебного мира в загашнике, точному представлению об экономике взяться неоткуда. Обменный курс мне неизвестен, но почему-то есть впечатление, что неквалифицированная работа в Штатах оплачивается примерно как галлеон за час. Работа МакГоннагал заняла у меня полчаса. Я не слишком спорю, поскольку это означает уменьшение моего долга до тринадцати галлеонов с мелочью.

С учетом всех обстоятельств на занятиях у меня всё нормально. Я не стесняюсь чрезмерно выразить благодарность Гермионе, но разом теряю все положительные очки, бухнувшись на колени и настаивая на своей мизерабельности. Несомненно, она не смотрела “Мир Уэйна” (Wayne’sWorld), или его не сняли в этой реальности. Тем лучше.

Крауч-Хмури заходит в аудиторию ЗОТИ и, как всегда, вызывает у меня мурашки по телу. Но когда он объявляет, что будет колдовать Империи на всех студентов, меня внезапно охватывает паника. Гермиона указывает на незаконность даже с разрешения директора. Взамен тот предлагает ей и всем остальным возможность отказаться от урока, и я тут же вскакиваю со своего места.

— Могу я уйти с урока, профессор? - вместе с голосом я весь дрожу от страха, но мне всё равно. Да и на пользу это моему противоречивому имиджу. Мне по фигу незаконность. Непонятные возможности — вот что пугает меня до смерти. Не знаю, сможет ли выудить из моей головы какие-нибудь сведения Крауч, но я не желаю даже малейшего риска в этом случае. Легилименция может и не сработает, но что помешает ему просто приказать мне рассказать. Вот этого я боюсь.

Угу, это вправду будет самый плохой из возможных сценариев. Встать и сказать: “Потому, что вы — Барти Крауч-младший, использующий обратное зелье для имитации Аластора Хмури” — наивернейший способ закончить получателем смертельного проклятия.

Он машет рукой и взрыкивает, что я считаю разрешением удалиться. Насмешки позади меня быстро обрываются самозванцем ещё до момента моего вылета из класса.

* * *

— Всё в порядке, Уильям? — спрашивает Гермиона, когда они находят меня после урока за ужином. Большая часть негодования от нашей маленькой ссоры уже ушла из её голоса. И пусть её волнует моё состояние, забота всё-таки приправлена явно заметной долей недовольства моим демаршем.

— Ага, — киваю. Я не обдумывал объяснение своего поведения в подробностях, но из-за её беспокойства придётся рассказать. — Я не знаю точно, как работает проклятье подвластия. Например, может ли автор видеть мысли? Воспоминания?

Гермиона бледнеет.

— Почему? Ох... — говорит Рон.

— Вот именно. Уж не говорю про невербальность приказов, и что формальная, на ваших глазах, отмена проклятия, может таковой и не быть.

— Я так не считаю... Я имею в виду... возможно просто... — начинает, но постепенно, по мере усвоения моих слов, затихает Гермиона.

— Нам стоит быть осторожнее, — говорит Гарри.

— Тебе это не нужно, — говорит Рон, потом поворачивается ко мне. — Тебе надо было это видеть. Гарри может сбросить проклятье подвластия! Знаешь, только жутко сильный колдун может это сделать.

— Ну ты, Гарри, крут, — стараюсь имитировать удивление от новости. Хотя я, конечно, знаю. — Может я и не знаю, как оно точно работает, но с Роном согласен.

Гермиона наклоняется и что-то говорит на ухо Гарри, на что тот кивает. А потом он поворачивается и шепчет что-то ей, и тут уже кивает она.

Рон поднимает брови на меня, а потом прокашливается.

— Не хочу влезать, но если вы собираетесь начать обжиматься, то могли бы подождать, пока предыдущего партнёра Гермионы по обжиманиям не будет рядом. — И Рон показывает мне

большой палец.

— Не пори ерунды, Рон. Уильям, встретишь нас в коридоре седьмого этажа после ужина? Рону, Гарри и мне надо забежать в башню, но мы найдём тебя там.

Почти наверняка догадываюсь об их задумке.

— Опять тайны, а?

Гермиона принимает мои слова близко к сердцу и вроде бы собирается ответить, но потом просто вздыхает.

— Признаю, у всех у нас должны оставаться тайны.

— Да-да. Должны.

Я доедаю ужин, болтаю о пустяках и без энтузиазма слушаю роновых братьев, обсуждающих любимую тему — как Дамблдор может навязать соблюдение возрастного ограничения и как им эти ограничения обойти. Вспоминаю тайны Трио, в которые меня могут посвятить, и обдумываю свои шаги. На закуску в который уже раз рассматриваю последствия открытия собственных знаний в разные моменты времени.

Да, возможно мне удастся остановить Крауча просто отправившись к Дамблдору. Но громадное количество авторов фанфиков с их иезуитскими указаниями на ошибки и противоречивость действий лидера Света сделали своё чёрное дело. Я просто не могу не принять во внимание варианты недружественного поведения Дамблдора. А что если он вправду злодей со своими заморочками, а Гарри просто безумно везло в каноне? Нет уж, нафиг-нафиг такие измышления. Предположим, что Дамблдор — настоящий лидер Света, и он остановит Крауча. Что дальше?

Гарри не отправится на кладбище, Волдеморт или потерпит ещё и похитит Гарри позже, или возродится без защиты крови. Последнее не слишком ужасно, если я смогу намекнуть Дамблдору на крестражи. Или я могу рвануть отсюда и найти их сам, вот только способ попасть в гринготское хранилище Беллатрикс Лестранж — выше моего разума.

В альтернативе — самому приготовить ловушку на кладбище, не вмешиваясь явно до момента возрождения. Рискованно, учитывая, что я уже начинаю менять реальность, и Гарри может в погибнуть в результате. Или Седрик может схватить кубок раньше Гарри. По-прежнему могу сам поохотиться на крестражи, но остаются те же самые проблемы.

С приветливым лицом провожаю уходящее трио, но сразу же опять погружаюсь в тяжкие думы. Проклятье, что же мне делать?

— Ах и ах, а это разве не бедный ии-исп-п-пуганный инос-с-странец? — надменный голос позади меня пробует изобразить заикание.

Поворачиваюсь поприветствовать презрительно усмехающегося Драко Малфоя в обрамлении пары туш своих миньонов. Внезапно вспомнившийся другой фанфик вызывает у меня улыбку.

— У тебя есть миньоны? Отпад! Я преисполнен почтения! Мне всегда хотелось иметь миньонов. Как ты их заполучил?

Он буквально ошарашен отсутствием резкого, привычного для друзей Гарри Поттера ответа. Извини, Драко, не в моём стиле. Но очень быстро к нему возвращается его фирменная презрительная ухмылка.

— Как будто пугливый маленький гриффиндорец может вообще иметь миньонов.

— Ну, я в-общем-то в точности не уверен, что они мне нужны. А какого они типа — болтливо-магические или молчаливо-зловещие?

— Они молчат, пока я им не позволю, — презрительно ухмыляется Драко.

— Ух ты! Послушайте, джентльмены, если вы пойдёте в миньоны ко мне, я разрешу вам разговаривать и всё такое.

— Не пытайся украсть моих миньонов!

— Пойми, это не кража, если они придут по доброй воле. Ладно, окей. Я не стану, если ты возражаешь. А может у тебя есть наводки на других возможных миньонов? Похоже ты монополизировал рынок здоровенных и злобных, но я вполне могу начать с другими.

Драко осматривается в замешательстве. Лицо краснеет, когда он видит близнецов, тихо ржущих над ним.

— Над чем смеётесь, предатели крови? Вы-то себе в любом случае не можете позволить миньонов.

Он, очевидно, ничего не знает о моей крайней нищете.

— Алло, Фред, Джордж. Не хотите ли стать моими миньонами? А я тогда буду вашим.

— Миньонами владеют не так! — горячо вмешивается Драко.

— Конечно, Бад. Мы станем твоими миньонами, если ты будешь нашим, — говорит один из них.

— Эй, Ли. Ты будешь моим миньоном? Тогда Фред будет твоим, — значит первым был Фред, а это Джордж. Всё ещё не могу распознать их по-отдельности. Фред театрально задыхается от удивления.

— Аллë, гараж!

— Стойте, я тоже хочу быть миньоном, — звучит незнакомый мне голос дальше по столу.

Драко отчаливает в большом раздражении, а Фред и Джордж снова раздражаются смехом.

Встаю и удовлетворëнно покидаю Большой зал, пока народ за столом всё ещё старается закрепить взаимоотношения взаимоминьонства.

* * *

Добравшись до коридора седьмого этажа, стою у привычного окна и люблюсь вечерним небом. Падающие в ином направлении тени придают почти полностью иной вид окружающим землям. Хотя я могу угадать характерные места, если специально присматриваться.

Есть у меня подозрение, что Трио явится под мантией-невидимкой Гарри, но всё равно я подчиняюсь капризу и иду на другую сторону четырехугольника поискать Луну. Увы, безуспешно.

Возвращаюсь к верхней площадке главной лестницы. В деле обнаружения прячущейся троицы решаю положиться исключительно на слух. Хотя шумы и перестуки в замке затрудняют задачу.

А может мне так только воображалось? Вскоре я слышу шуршание, а открыв глаза, ловлю вид на роновы башмаки, которые он почему-то называет туфлями. Встаю и широко улыбаюсь туда, где должны быть их лица.

— Крутая у вас игрушка.

С пыхтением Гермиона сбрасывает мантию.

— Нам хотелось удивить тебя, — говорит она жалобно. — А как ты нас заметил?

— Это секрет, — улыбаюсь ей. Но видя её раздосадованный взгляд, сочувственно поясняю. — Окей-окей. Просто вы вдвоём с Гарри поместились бы. Но Рону надо сильно горбиться, если уж он за компанию на хвост, тьфу ты, под мантию залез.

Гермионы шумно задышала, наливаясь праведным гневом.

— А я тебе говорила, Рон!

— Ну и что? Всё равно мы не собирались делать ничего плохого в этот раз, — говорит тот в свою защиту.

— В этот раз? — спрашивая, поднимаю бровь. Гермиона прожигает Рона взглядом.

— Пошли. Я приготовлю комнату.

Короткое время спустя мы вчетвером вальяжно рассаживаемся в относительно небольшом кабинете. Я сказал относительно небольшом, поскольку мы использовали его и как читальный зал, и как дуэльную арену, зельварную лабораторию, гостиную, и так далее, что там ещё нам в голову приходило. С непременным фоном в виде вполне приличного количества книжных полок.

— Хорошо, Уильям. Поскольку ты нашёл это место и достаточно помог нам, мы хотим посвятить тебя в одну нашу маленькую тайну, — говорит Гермиона.

— О, как драматично. Значит ты — злобствующая Тёмная Леди, решительно настроенная отомстить праведным силам в лице Северуса Снейпа и его доверенного лейтенанта и иногда любовника Драко Малфоя?

Гарри бурно ржёт, Рон тормозит, а Гермиону мой маленький скетч совершенно не веселит.

— Бр-р-р, здесь всё настолько неправильно, что я даже не удостою это ответом. Кошмары мне точно сниться будут. Я серьёзно, Уильям.

Глотаю так и просящуюся шутку про сириозного Сириуса.

— Окей. Что там у вас в заглашке?

— У нас есть возможность убедиться, что никто и никогда не увидит нас проходящими сюда.

Понятно, но надо тупить.

— Мантия?

— Нет, — Гарри становится на колени, вынимает свёрнутый кусок пергамента и расправляет его на кофейном столике между нами. — Это. Карта Мародёров.

Опускаюсь на колени и пригибаюсь, чтобы изучить карту. Фильмы не смогли по-настоящему отдать ей должное. Она невероятна. Нахожу Хмури и Крауча рядом друг с другом, и кровь опять стынет в жилах.

— Что не так, Уильям? — спрашивает Гермиона.

Чёрт, она наверняка заметила моё побледневшее лицо.

— У-хм... — осматриваю карту, пытаюсь что-то придумать. Ах, да. — Нас здесь нет? — Знаю, что алиби хромает, но по крайней мере отвлекает их внимание.

— Это невозможно, — Гермиона сама начинает искать нас. После недолгих безрезультатных поисков она явно расстроена. — Ты прав...

— Такого ещё никогда не случалось, — говорит Гарри.

Конечно, я знаю ответ, но позволю им самим докопаться до истины.

— Может нас теперь на ней и не будет? — предлагает вариант Рон.

— Я ничего такого с ней не делал, — возражает Гарри. — И даже если бы я захотел убрать нас, то Уильяма я знаю всего пару недель. Идея убрать ещё и его мне бы в голову не пришла. Без обид, Уильям.

— Вот ещё.

— Может стоит спросить кого-нибудь? — предлагает Гермиона.

Жаль, конечно, но придётся вмешаться.

— А может это комната? Её ведь нет на карте, так? Может люди, которые сделали карту, просто не смогли добавить комнату из-за её изменчивости формы или ещё чего?

— А может они просто никогда не знали о ней! — возбуждённо выдаёт Гермиона. — Наверняка так. Это замечательно, Уильям!

Пожимаю плечами. Неприятные всё-таки ощущения от присвоения чужих заслуг.

— Выдающиеся люди придумали эту карту. Значит, перед открытием комнаты кто-то, Гарри или Гермиона, прячется под мантией и по карте узнаёт насколько чист горизонт для остальных. Меньше всего подозрений вызвало бы моё отсутствие, но рискованно — не уверен, что смогу и ноги, и карту мантией накрыть. Гермиона — следующий наилучший выбор.

— Почему? — спрашивает Рон.

— Думаю, я поняла Уильяма. Мы трое всё время были друзьями, и народ станет задавать вопросы, ведь странно будет выглядеть, если мы с тобой, Рон, бросили Гарри, но сошлись с Уильямом. А вот если не будет меня, все подумают я осталась в библиотеке, как обычно. — И Гермиона притворно надувает губки. — Идиоты.

— Разумно, — соглашается Гарри.

— Тогда принято, — кивает в завершении Гермиона. — И мы можем проверить коридор прямо сейчас.

— Высший класс, — говорю, тренируя британский сленг. Конкретно это звучит у меня практически с британским акцентом, и мне нравится. — Ну а теперь, как насчёт выставить и испарить манекенчик-другой?

Сильный удар Гермионы ещё и попадает весьма метко.

— Ты так ничему...

— Шучу! Шучу! — потираю плечо. — Так каков план, моя госпожа? Как я могу служить Тёмной Леди Гермионе? — на этот раз я уворачиваюсь.

— Ладно, Уильям Великий Идиот, мне, как бы тебе ни было удивительно, хочется найти информацию по проклятью подвластия. Может быть его можно как-то сбросить?

— Мы уже знаем способ. Нужно просто быть жутко сильным, правильно, Гарри? — всё-таки у Рона что-то странное с отношением к Гарри, какой-то он бунтующий подлиза.

— Да, возможно это решило бы кучу проблем колдовского мира, — кривится как от лимона Гермиона. — Но пока не наступили сии благословенные времена, стоит поискать альтернативное решение.

Гермиона выдаёт по книге Рону и Гарри, и выкладывает стопку оставшихся перед нами, сделав мне знак взять одну. Стянув верхнюю, устраиваюсь поудобнее. В который раз удивляюсь основательности Гермионы в подборе потенциальных источников.

Мой томик был отчётом о деле одного из первых обвиняемых в использовании проклятья подвластия после того, как его объявили непростительным в 1717 году, причём главным обвинителем был тогдашний министр магии Эддрич Диггори. Обвиняемый волшебник прошёл через много стадий суда Визенгамота, голоса которого разделилось практически поровну. И не в последнюю очередь из-за мнения множества его членов, что сравнительно молодой министр во многом узурпирует их власть. Визенгамот имел корни в Совете Колдунов, который существовал ещё во времена основателей, а Министерство набрало силу совсем недавно, как орган для соблюдения выполнения Статуса Секретности. Все неважные части, типа процессуальных действий, стараюсь просматривать бегло, цепляя только лакомые кусочки полезной информации. Например, один колдун из числа жертв заявил, что смог сопротивляться, используя “магию разума”. Но, к сожалению, более никаких деталей не приводилось. Почти уверен, что это про окклюменцию. Но ведь вполне возможно наличие и иных вариантов магии разума, не упомянутых в каноне.

Гляжу на остальных: Рон явно клюёт носом, а Гарри переворачивает страницы, как будто листает популярный журнал. Гермиона, в противоположность им, вся погружена в задачу. Оставляю закладку на странице с упоминанием магии разума и продолжаю просмотр. Спустя некоторое время и не найдя иных указаний, воспринимаю вздох раздражения рядом как сигнал к первому обсуждению результатов.

— Неудачно? — спрашиваю.

— Не совсем, — снова вздыхает она. — Тут обсуждаются возможности распознавания находящихся под проклятием подвластия. Наверное ты в чём-то прав со своей теорией о доступности только книг из замка. По другому трудно объяснить весь этот утиль, с которым мы имеем дело. А у тебя как?

— Мелочь. Это отчёт о суде над волшебником, обвинявшимся в использовании проклятья подвластия вскоре после того, как его сделали непростительным. Он использовал проклятье, чтобы получить голоса в Визенгамоте. Но был уличён главным свидетелем, который заявил, что смог сопротивляться, используя магию разума. Кому-нибудь хоть что-то напоминает?

Рон пожимает плечами, Гарри отрицательно крутит головой.

— Есть чары памяти “обливиэйт”, использующиеся для изменения воспоминаний, — напоминает нам Гермиона. — Наверное это тоже из магии разума, но что конкретно имел в виду твой свидетель — без понятия.

— Скорее всего это ссылка на окклюменцию, но надеялся, что вы слышали ещё о чём-то подобном.

— Что такое окклюменция? — тут же интересуется Гермиона.

— Учтите, что я совсем не специалист в этом, могу и ошибиться в деталях. Насколько я знаю, это способ защитить себя от легилименции, которая является магическим способом прочесть чей-то разум. Никакой добровольности или желания от жертвы не требуется. Мастер легилимент может вытащить из твоих мозгов даже те воспоминания, о которых ты сам уже давным-давно забыл. Скорее всего окклюменция может спасти от этого.

Приходится быть очень осторожным потому, что я не помню, какие куски из канона, а какие — из хорошо потоптавшегося на этой теме фанфикшена. Например, я помню что-то об идеальных окклюдентах, которые способны скормить фальшивые воспоминания даже самому изодранным легилименту. По мне — так логично, но я совершенно не в курсе — откуда дровишки. Даже не уверен правильный ли термин “легилимент” для практикующего легилименцию, или это просто словесная формула. Фу.

— Это здорово, Уильям. Нам есть откуда начинать!

— Начать — может быть, — хмурюсь в раздумьях. — Но я ведь даже не уверен, что это сработает.

— Может спросим Хмури? — предлагает Гермиона.

— Не уверен, профессор Дамблдор мне кажется лучшим выбором, — возражаю я. Хотя Крауч и помогает им при случае, но я бы предпочёл, чтобы они не доверяли упиванцу вообще. Хотя и не вычислил пока способа разубедить их полагаться на него. — У Снейпа тоже отличные навыки в обеих дисциплинах, но не могу представить, чтобы вы захотели спросить у него, — завершаю с улыбкой.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает поражённая Гермиона.

— Ну, у меня есть некоторые навыки окклюменции, — Хотя, невзирая на слова шляпы, я в этом не уверен. — Когда Снейп расспрашивал меня про мои знания в зельях, я что-то почувствовал, когда встретился с его глазами. Поэтому сразу же отвёл взгляд в сторону.

— Это не может быть законным! — издаёт вопль Гермиона.

— Я правда не знаю, пробовал ли он прочесть мою память или просто вычислить, не лгу ли я. Может успокоился от моего признания, что я слаб в зельях. По-видимому, при такой моей самооценке он не счёл меня достойным внимания и траты времени.

— Ты не должен был так поступать, Уильям, — ворчит на меня Гермиона.

— Нет, но иногда приходится иметь дело с учителями, у которых комплекс превосходства. Пока

я учусь, меня не волнуют его фантазии о моей никчёмности, — бросаю взгляд на Гарри. — Хотя, если бы я начал выделяться, то отвлек бы на себя часть огня от тебя, Гарри.

— Эт вряд ли, — отмахивается Гарри. — Он устроил со мной разборки с самого первого дня и постоянно обзывает моего отца за что-то бывшее между ними в школе. В любом случае я сам всё время стараюсь не отвечать, как и ты. Было бы странно с моей стороны просить тебя делать что-то другое.

Молчу. Хочется сделать что-нибудь и облегчить Гарри жизнь, но не могу позволить роскоши в процессе случайно открыть Снейпу кто я и откуда. Я же не знаю, на что он способен без словесной формулы.

— Извини, Гарри. Я бы... Если бы я мог.

— Не волнуйся об этом больше, — опять отмахивается он. — Ну что, идём к Дамблдору?

— Можно посмотреть, доступен ли он, — предлагает Гермиона. — У нас ещё есть время до отбоя.

— Хм, народ, вы не против, если я не пойду и пересажу здесь? — спрашиваю.

— Чего это? — сбит с толку Рон.

— Я... хм... предпочёл бы привлекать к себе как можно меньше внимания.

— Но, Уильям, возможно ты что-то правильное нащупал, и это несправедливо — отказать тебе в чести быть автором идеи.

— Нет-нет, всё окей. Просто скажите “мы” нашли это, попробовав обнаружить способы сопротивляться проклятию подвластия. Не конкретизируя — кто. Это же правда, в конце концов.

— Мне не нравится, как легко ты врёшь, Уильям, — награждает меня нечитаемым взглядом Гермиона.

Морщусь на это. Я не собирался лгать, это больно.

— Гермиона...

От ответа меня спасает Гарри.

— Гермиона, ну не хочет он привлекать к себе внимание, и нам стоит уважать его решение. По правде, я сам хотел бы иметь такую возможность с момента моего появления в школе. Нечего принуждать его выделяться, если он сам не хочет.

— Гарри, тебе прекрасно известно об уроне, который именно ты понёс от всех этих казалось бы чужих тайн, — указывает Гермиона. — Из всех нас именно тебе стоит быть наиболее осторожным в этом отношении.

Гарри желает ответить, но тут влезает я.

— Спасибо, Гарри. Я тебя понимаю, Гермиона, но мы опять касаемся тайн. Я клянусь своей жизнью и магией, что я на вашей стороне, но я действительно не могу вам их открыть. Не сейчас.

Боковым зрением ловлю как взгляды Гарри и Рона перебегают с меня на Гермиону, но мои глаза не отрываются от её. Она отворачивается.

— И что это за “наша сторона” в точности? — не сразу спрашивает она.

— Ваша и только ваша. Не сторона Волдеморта. Не сторона некомпетентного британского Министерства. — Делаю паузу. — Даже не Дамблдорова сторона. Чисто ваша.

— Это абсолютно нелогично, Уильям. Ты только что познакомился с нами.

— Поверишь ли ты, если я скажу...

— Нет, — прерывает Гермиона. — Не поверю. — Её тяжёлый взгляд вместил в себя всё её сомнение и гнев, которые накапливались с момента моего фарсового ритуала.

Не выдержав, отвожу взгляд в пол.

— Простите, ребята. Раскрыться — это выдать часть моих секретов, и я просто не могу... Я пойму, если вы захотите исключить меня из своего круга. Тогда и я не стану вам больше надоедать, если пожелаете.

Она теребит волосы, как будто расчесать сейчас их пальцами, как гребешком — задача наивысшего приоритета.

— Наверное так будет лучше всего.

— Гермиона! — неверяще говорит Гарри.

— Гарри, подумай сам. Как давно мы его знаем? И мы уже доверили ему тайны, о которых едва ли дюжина человек имеют представление, включая нас? — глаза у неё всё больше округляются, как будто только вместе с произносимыми словами она осознаёт последствия. — Почему он был так дружески к нам настроен с самого начала и по всем признакам хорошо нас знал? Как он узнал всё это? С ним что-то не так, Гарри. А ты знаешь, что тебе надо быть осторожным! — А вот это вот не слишком хорошо. Кажется, что она переосмысливает всё наше знакомство до момента встречи, потому что её взгляд жжёт всё сильнее с каждым мгновением.

Гарри смотрит с беспокойством, Рон — недоумевающе, а мне приходится от них всех отвернуться.

— Она права, Гарри. Тебе стоит быть осмотрительней, — я, в-общем, даже горд, что мой голос совсем не дрожит, правда звучит поэтому слегка безжизненно. — По правде я не могу винить её, потому что через пару дней после нашей встречи я сказал ей то же самое. Всё нормально. При желании вы вполне можете поменять мнение в будущем. Если поверите в мою искренность.

Гермиона отворачивается, а Гарри и Рон плюхаются в кресла. Когда я понимаю, что никто не собирается говорить, я беру на себя продолжение разговора.

— Во всяком случае у меня есть на что потратить лишнее время. Надо поговорить с профессорами о возможности подзаработать, чтобы выплатить мой долг МакГоннагал побыстрее. — Поворачиваюсь и иду на выход, но через пару шагов останавливаюсь и бросаю через плечо: — Как там горизонт, чист?

— Да, — говорит Гермиона после задержки.

Кажется, что она и Гарри собираются что-то ещё сказать, но я обрываю их попытку.

— Пока, народ. Увидимся.

— Уильям! — охрипшим от эмоций голосом говорит Гермиона. Я продолжаю идти к двери. — Просто будь осторожен.

Открываю дверь, легонько усмехаюсь и оглядываюсь на них.

— А я что, разве не?

Дверь закрывается и исчезает за мной, а я морщусь от внезапной боли в грудной клетке, боли от потери моих единственных друзей здесь.

* * *

— Добро пожаловать, мистер Лернер, присаживайтесь, — МакГоннагал изучающе смотрит на меня поверх очков.

— Спасибо, что согласились встретиться, профессор.

— Я глава факультета Гриффиндор, мистер Лернер. Было бы недобросовестно с моей стороны, если бы мои студенты не чувствовали, что могут обратиться ко мне в любой момент, когда я доступна. Итак, что я могу сделать для вас? Вы говорили с профессорами о подработках?

— Говорил. Профессора Бабблинг, Вектор и Синистра все сказали, что подумают, но по виду никто из них не заинтересовался. Профессор Хагрид сначала взволновался, говоря, что он не знает насколько это прилично. Ему необходимо выполнить некоторую резьбу по дереву, а когда я выразил свой интерес к занятию, он откопал ручной набор инструментов мне попользоваться. Всё равно они ему слишком малы. Слегка подучив меня, он пообещал поговорить с директором насчёт моего запроса.

— Действительно, там есть перспективы.

— Надеюсь, что это будет что-то вроде помощи младшим курсам. Предпочёл бы не общаться с этими соплохвостами сверх того, что я обязан на уроках. Особенно с теми, которые со скорпионьим жалом. От них у меня мурашки по спине.

— Это точно, — усмехается она. — Печально, что остальные профессора не заинтересовались. Вы рассказали им почему вам нужна подработка?

— Не вполне, — я краснею и признаюсь. — Я... меня это... в-общем, смущает.

На её лице появляется выражение симпатии.

— Давайте я переговорю с ними от вашего имени.

— Не надо. Я действительно глубоко признателен за то, что вы сделали и делаете для меня, профессор. Но предпочёл бы избежать найма из жалости. Мне очень нравятся руны, и профессор Бабблинг возможно пересмотрит своё решение, когда узнает меня получше.

Она прикрывает глаза и глубоко вздыхает.

— Это не слабость — попросить помощи, когда в ней есть действительная нужда, мистер Лернер. В любом случае, у меня для вас дополнительная работа по подготовке материалов на завтрашний и послезавтрашний вечера, если вам интересно.

С энтузиазмом киваю.

— Хорошо. Я жду вас в семь часов после ужина завтра, мистер Лернер. Спокойной ночи.

* * *

Закончив пару даже более простых заданий и уменьшив мой долг МакГоннагал на такое же количество галлеонов, я обнаруживаю себя перед перспективой ещё одних одиноких выходных. Приём пищи в компании только собственных мыслей после нескольких раз мне надоедает, и я начинаю садиться за трапезами рядом с Невиллом, Дином и Симусом. Сажусь и за завтраком в субботу утром. Дин и Симус, как всегда, на пару отвлекаются на что-то своё, а мы с Невиллом обычно молчим. Изучаю своего неразговорчивого соседа и с удивлением вижу, что он не нервничает и не ощущает неудобств от молчания. Он просто удовлетворён тишиной. Что напоминает мне кое о чём... или, скорее, кое о ком.

— Слушай, Невилл. Ты как насчёт посмотреть кое-что после завтрака?

Он дёргается от внезапности и краснеет из-за собственной неловкости.

— Я... конечно.

Киваю ему и возвращаюсь к завтраку. Часть подаваемой еды очень странна для меня, например мармит. По идее его мажут на тосты, но выглядит он как осадок из масляного бака автомобиля, если владелец слишком долго не менял масло. Но всё-таки у этой штуки не самый плохой вкус из того, что я пробовал. Сомнительную честь удерживают результаты моих собственных попыток приготовить вьетнамские блюда. Не представляю, что такого делают их повара, чтобы соус из рыбы не был на вкус как голая соль. Мармит мне напоминает пастообразную версию этого соуса. Вот ведь блин горелый, что-то я совсем мыслью по древу не туда растёкся. Сейчас, например, ужасаюсь, что в Штатах не привелось мне попробовать яйцо-пашот.

После завтрака мы с Невиллом взбираемся по лестнице на седьмой этаж, и когда мы достигаем верхней площадки, я расплываюсь в улыбке.

— Снова здравствуй, Уильям. Вижу ты привёл ещё друга, — знакомый певучий голос

приветствует меня. Улыбаюсь и молча даю Невиллу те же инструкции, что и Гермионе. Чуть погодя, к моему удивлению, Луна слегка прислоняется ко мне. Осторожно обнимаю её рукой за плечи, после чего она удовлетворённо мурлыкает и продолжает разглядывать мир за окном.

Странно, но нет никакой неловкости, когда я постепенно отстраняюсь от Луны и разворачиваюсь, чтобы уйти, обнаруживаю Гарри с Гермионой. Мы несмело обмениваемся грустными улыбками, и я поворачиваюсь к Невиллу.

— Оставайся если хочешь, Невилл. Мне всё равно нужно идти встретиться с Хагридом. А то я тоже остался бы.

— Точно? — Невилл напряжённо переминается на месте. — Я-я никогда не видел ничего так... такого...

— Определённо, и я согласен. До встречи, народ.

Спускаясь по лестнице, ощущаю спиной взгляды, но не оборачиваюсь. На ходу пробую вспомнить, чем занято трио, но на ум не приходит ничего значимого между сегодня и прибытием Шармбатонской и Дурмштранговской делегаций. Кажется Гермиона что-то делает для ГАВНЭ. Ах, да. Гарри обменялся письмами с Сириусом про свои сны ещё летом. Про Рона вообще ничего не помню. Разве что был у него мелкий приступ ревности, потом повторенный им в ином масштабе, когда имя Гарри вылетело из Кубка Огня. Наверное всё пройдёт хорошо и без моего вмешательства до третьего задания турнира. Кроме облома Святочного Бала, перед которым я собираюсь дать Гарри толчок в верном направлении. Считаю, что у них на данный момент всё нормально.

Удар шальной, безумной мысли заставляет меня замереть. Интересно, а смогу ли я преодолеть возрастную линию, учитывая, что мне на самом деле больше семнадцати?

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1360126>